

СЕМИОТИКА КУЛЬТУРЫ В ФУНКЦИОНАЛЬНОМ АСПЕКТЕ

Е. А. Акуленко, В. В. Леонтьева (Минск, Беларусь)

СВЯЗАННАЯ СОЧЕТАЕМОСТЬ ЭКЗОТИЗМОВ В ИНОЯЗЫЧНОМ КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ (на примере синтагматики лексемы *джунгли*)

В статье выявляются возможности связанной сочетаемости индийской по происхождению номинации *джунгли* в условиях ее функционирования в иноязычном коммуникативном пространстве на основе данных Национального корпуса русского языка.

Ключевые слова: заимствованная лексическая единица; лексема индийского происхождения; экзотизм; синтагма; синтагматика; коллокация; связанная сочетаемость; коммуникативное пространство.

The article reveals the potential for bound collocation of the lexeme *jungle*, which is of the indian origin, as it functions in foreign communicative space. The research is based on data of the Russian National Corpus.

Key words: loanword; lexeme of the india origin; exotic lexeme; syntagma; syntagmatics; collocation; bound collocation; foreign communicative space.

Экзотизм *джунгли*, несмотря на некоторую грамматическую «непластичность» (*pluralia tantum*), не просто обладает максимальной степенью свободы в реализации своей семантики, но и предстает активным участником процесса экспрессивного миромоделирования. Способность экзотизма вступать в качестве опорного и зависимого компонентов в атрибутивные сочетания, репрезентирующие возможные языковые формы выражения признака, предоставляет еще одну возможность – рождения нового автономного знака со своим собственным цельным значением.

Согласно «Грамматике-80», мы принципиально можем констатировать, что «абстрактные синтаксические образцы в той или иной степени лексически не свободны» [1, с. 11]. Налицо денотативные ограничения, накладываемые отношениями сущностей в реальном мире, а также чисто системная языковая неспособность модели как синтаксической схемы, отвлеченного образца заполняться словами того или иного структурного типа или семантического разряда.

Атрибутивные сочетания со словом индийского происхождения *джунгли* трактуются нами как связанные номинации в силу того, что синтагма целиком оказывается носителем иного, производного значения, лишь метафорически, опосредованно связанного с прямым, зафиксированным в лексикографических источниках. Трактовка подобных номинаций, обладающих связанной сочетаемостью, как единиц перифрастической природы кажется нам убедительной и уместной. Отдельно оговорим, что речь не идет ни об «одухотворении», ни об «опредмечивании» имени, скорее о замене фрагмента реального мира в ходе номинации. Данная замена

становится очевидной именно в момент реализации синтагматических потенций лексемы *джунгли*, приводящей не к более детальному представлению денотата за счет экспликации того или иного его признака, а к перемещению в другую концептуальную сферу. Когнитивный поиск в сфере метафорического моделирования, установления парадигмы метафорических моделей в разных лингвокультурах и применительно к разным типам дискурса со времен Дж. Лакоффа и М. Джонсона неизменно привлекает внимание лингвистов.

Использование определенных метафорических моделей как составной части национальной языковой картины мира на сегодняшний день аксиоматично, однако выявление набора базовых метафор на материале конкретного языкового материала представляет немалый интерес. Будучи изначально именем предметным, словом-денотативом, т. е. именем, напрямую соотношенным со своим референтом, лексема *джунгли* несет вполне понятный любому носителю русского языка перцептивный образ осязаемого фрагмента действительности. Метафорический потенциал экзотизма *джунгли* в русскоязычном пространстве велик. «Языковая метафора как репрезентант когнитивной операции соотношения и отождествления разных концептуальных сфер представляет понимание ключевых аспектов жизни человека» [2, с. 3].

История фиксации и описания заимствованной лексемы *джунгли* в русской лексикографической традиции, структура лексического значения слова *джунгли*, стадии его фонетического, графического и морфологического освоения, деривационный потенциал, а также особенности семантической адаптации данного заимствования в лексико-семантической системе современного русского языка изложены нами в рамках предыдущего этапа исследования. Именно диахронический анализ данных многочисленных лексикографических источников (1860-е – 2020-е гг.), предшествующий непосредственному обращению к материалам Национального корпуса русского языка, позволяет нам утверждать, что вхождение в текстовую реальность лексемы *джунгли* в «производном» значении, ее расширительное прочтение (без какого бы то ни было обращения к Индии, тропикам, субтропикам и т.д.) серьезно опережают кодификацию. Иными словами, лексема *джунгли* словно проходит сквозь фильтры речевой практики, выкристаллизовывая лексическое значение, предоставляемое языковой системой в распоряжение современного носителя русского языка. Тенденции, отмеченные в текстовых документах с 20-х – 30-х гг. XX в., оказываются замеченными составителями словарей русского языка лишь на рубеже XX – XXI вв.

Помета *перен.* появляется в связи с семантическим описанием *джунглей* в лексикографических источниках приблизительно 1970-х гг., в частности в Словаре русского языка С. И. Ожегова (1972) [3]. Речь идет именно о связанных сочетаниях с лексемой *джунгли* в составе: *закон джунглей* (перен.: об открытом произволе и насилии); *каменные джунгли* (о кварталах больших городов). Прецедентный *закон джунглей* в заданном значении дублируют многочисленные последующие словари 1980-х – 1990-х гг. Только с 2000-х гг.,

по данным словарей, коллокация с экзотизмом *джунгли* в составе прирастает значением 'беспорядочное скопление чего-л' [4]. Под коллокациями мы, вслед за Е. В. Ягуновой и Л. М. Пивоваровой, понимаем «неслучайное сочетание двух и более лексических единиц, характерное как для языка в целом (текстов любого типа), так и определенного типа текстов (или даже (под)выборки текстов)» [5].

На сегодняшний день исследуемые коллокации с заданным компонентом, реализующие синтаксические модели (*какие?*) *джунгли* и *джунгли* (*чего?*), а также стоящий особняком освоившийся в русском коммуникативном пространстве закон (*чего?*) *джунглей*, чрезвычайно востребованы в современной речевой практике говорящих именно как единицы вторичной номинации. Конвенциональная метафоричность, образность подобных синтагм при, казалось бы, членимости их плана содержания позволяет им с легкостью справляться с функциями номинации, характеризации и даже скрытой, «имплицитной» предикации. Связанная сочетаемость подобных синтагм-коллокаций предстает не как реализованная возможность для одного из двух их компонентов сочетаться лишь с крайне ограниченным рядом лексем и неспособность реализовывать заданное значение вне их круга, а как способность данных сочетаний порождать новые знаки, обладающие целостным значением, отличным от суммы словарных значений составляющих их лексем. Данные коллокации представляются конвенционально без труда выводимыми, семантически стабильными, лексически достаточно разнообразными. Однако отмеченная лексическая вариативность в заполнении позиции второго компонента синтагмы тем не менее демонстрирует серьезные лексические ограничения, которые подтверждаются установленным набором из ряда лексем.

Тем не менее нельзя отрицать тот факт, что в диахронии заметна тенденция к расширению парадигмы (или даже поля) лексем, составляющих синтагматическое окружение *джунглей*. Те лексические единицы, которые на заре вхождения единицы *джунгли* в лексико-семантическую систему русского языка просто не могли быть использованы как синтагматические партнеры *джунглей* в силу семантического рассогласования компонентов потенциального словосочетания, сегодня стали частью «команды»: *васильковые джунгли*, *джунгли малинника* и др.

Привычные атрибутивные конструкции с опорным компонентом *джунгли* в прямом значении в своем составе мы не относим к объекту нашего исследования: *Видно, не так удобно царственному зверю гулять по глубоким снегам Уссурийского края, как по бенгальским джунглям или по пальмовым лесам тропических стран!*..[Н. М. Пржевальский. Путешествие в Уссурийском крае. 1867-1869 гг. (1870)] (Здесь и далее иллюстративный материал приводится по данным Национального корпуса русского языка [6]). Однако именно на их фоне становится столь очевидной специфика связанной сочетаемости и связанных синтагм-коллокаций как феноменов.

Джунгли как номинация, обладающая ЛЗ, имеет набор «крючков», которые позволяют «цеплять» атрибутивных синтагматических партнеров. Структура ЛЗ данного слова, согласно данным современных словарей, позволяет в качестве таковых назвать семантические атомы ‘густые / трудно-проходимые / непроходимые заросли (чего-л.)’, ‘общество / среда обитания, проживания кого-л.’, ‘открытый произвол, насилие, жестокость’, ‘неразвитость, первобытность, дикость’, ‘ужасающие условия’, ‘нравственное падение’, ‘беспорядочное скопление чего-л.’.

Локативные семы ‘в тропических странах / субтропических странах’, ‘в Южной / Юго-Восточной Азии / Индии’, ‘Индостан, Индокитай, Зондские о-ва’, ‘в долинах рек предгорий Гималаев’, ‘тропический / субтропический / индийский’ и др. мы опускаем в силу ограничения объекта нашего исследования. Диахронический анализ позволяет обнаружить четко прослеживаемую тенденцию к последовательному уменьшению общего удельного веса локативной информации, которая была ядерной в лексикографических источниках конца XIX – начале XX в. в силу фиксации одного, исходного значения лексемы, в словарях конца XX – XXI вв., в которых фиксации подлежат уже второе, производное, и даже третье и четвертое значения (с пометой *перен.*).

Расширительное значение лексемы *джунгли* – обозначения ‘густых зарослей чего-либо’ – зафиксировано как разговорное в русских словарях лишь на рубеже XX – XXI вв., в то время как, по материалам Национального корпуса русского языка, отмечается в текстах с конца 1920-х гг.: *После грозы и бури из зарослей морских джунглей, из тесных щелей скал, из чащи причудливых кораллов и губок выплывают мелкие рыбки...* [А. Р. Беляев. Человек-амфибия (1928)]; *Среди густой чащи, на небольшом примятом пространстве, колыхались лишь два высоких отростка стеблей; потом чаща сомкнулась, поглотив и этих свидетелей необычайного сражения, разыгравшегося в молчаливых подводных джунглях океана...* [Г. Адамов. Тайна двух океанов (1939)]; *Он (...) взглянул на лиловые джунгли люпина...* [Г. Е. Николаева. Битва в пути (1959)]; *С высоты ста метров увидел сплошные камышовые джунгли!* [Л. И. Брежнев. Целина (1977)]. Синтагматические партнеры *джунглей* в подобном значении резко меняются, однако требование языка относительно необходимости семантического согласования компонентов синтагмы уже не нарушается.

Джунгли как единица вторичной номинации зародились, без сомнения, в авторских текстах. В ходе сопоставительного анализа данных русской лексикографии и Национального корпуса русского языка установлено, что хронология фиксации в лексикографических источниках потенциалов, реализованных лексемой в русскоязычном текстовом пространстве, характеризуется серьезным отставанием. По сути именно в реальных текстах на наших глазах на протяжении десятилетий вызревают в рамках коллокаций те ипостаси *джунглей*, которые значительно позже подвергнутся фиксации лексикографами. До сих пор словари в качестве фразеологических единиц предлагают

ставшие «первопроходцами» *каменные джунгли* (о городе) и кодифицированные позже связанные сочетания *джунгли мегаполиса*, *неоновые джунгли* с более широким значением ‘беспорядочное скопление чего-л.’, а также *джунгли преступного мира*, *джунгли криминала*, *закон джунглей* со значением ‘о жестоком, опасном и непредсказуемом мире’. Интересно, что в словарях с 1970-х гг., когда впервые лексикографические источники фиксируют те же *каменные джунгли* и *закон джунглей*, речь идет именно о фразеологических единицах, связанных значениях, новейшие словари последнего десятилетия фиксируют новый ЛСВ, новое значение самой лексемы *джунгли*.

Отметим, что *джунгли* в указанных значениях действительно широко представлены в русских текстах: *Потом было минное поле, потом холм-ловушка с пулеметом, который не протух и долго прижимал их к земле, грохоча на весь лес; потом они попали в настоящие джунгли колючей проволоки...* [А. Стругацкий, Б. Стругацкий. Обитаемый остров (1967-1969)]; *На днях приводил свои бумажные джунгли в порядок и, перекладывая Ваши письма в толстый непромокаемый конверт, думал о Вас.* [К. А. Куприна. Куприн – мой отец (1979)]; *И он, миллионер, уже не думает об эксплуатации человека человеком, а думает, как бы ему выжить в этих каменных джунглях* [Л. Измайлов. Наши люди (1984)].

В. Н. Телия почти полвека назад констатировала, что «сама возможность сочетаемости слов с отвлеченным типом семантики со словами, прямые значения которых обладают предметно ориентированным значением, обусловлена способностью абстрактных существительных актуализировать коннотации, возбуждаемые в их значении на основе... “опредмеченности”» [7, с.4]. *Закон джунглей* демонстрирует, что именно зависимое слово-денотатив диктует «мелодию» коннотаций, которую озвучивает синтагма-коллокация: *Закон джунглей – сам разбил, сам и ремонтируй* [К. Феоктистов. Траектория жизни (2000)]; *Впрочем, закон джунглей гласил «Слабому — кость», и Николай снова прихлебывал из картонного стаканчика обжигающий кофе, уже предвкушая радостное волнение полета* [А. Геласимов. Дом на Озерной (2009)].

Интересно проследить коннотации, которые в современных текстах сопровождают классические синтагмы-коллокации, а точнее коннотативную динамику (на примере *каменных джунглей*): *В каменных джунглях я чувствую себя, как рыба в воде... Это воплощение урбанизма, техногенной цивилизации... Эти каменные, языческие джунгли... Но среди камней Нью-Йорка я как рыба в воде. Мне ужасно нравятся эти каменные джунгли. Нью-Йорк — это мегаполис, где перемешаны все культуры, это сгусток энергии, это сколок со всего мира* [А. Бовин. Пять лет среди евреев и мидовцев, или Израиль из окна российского посольства (1999)]; *Именно такие проемы, а еще проходные дворы, парадные и черные лестницы и подвальные катакомбы превращают Петербург в каменные джунгли, увлекательные и захватывающие* [М. Баконина. Школа двойников (2000)];

Вообще лес и город малоотличимы: город есть каменные джунгли, лес есть древесный город [А. А. Ботев. Кот Шредингера // «Волга», 2013]. В приведенных контекстах каменные джунгли – это не каменный мешок, не тюрьма, не бездушное, механистическое начало, а напротив, территория свободы и вечного движения.

Возможно, сема ‘свобода’ в ЛЕ джунгли, которая в русской лексикографии остается незамеченной до сих пор, оказывается сильнее ‘камня’, а точнее семы ‘состоящий, сделанный из камня’. А ведь данная сема-победитель получала экспликацию в подобных случаях в русских текстах ещё с 30-х гг. XX в.: *Начинало уже темнеть, когда Володя вернулся из «джунглей» — так, оказывается, называли в совхозе отгороженный участок леса, где звери жили на свободе* [В. Каверин. Два капитана (1938-1944)]. На наш взгляд, подобные контексты свидетельствуют о несомненной модификации лексической семантики фразеологической единицы: каменные джунгли предстают как ареал свободы, креативного начала и зона комфорта.

Лексическое варьирование коллокаций с джунглями в указанных словарях значениях в составе серьезно расширяет границы кодификации. Реальные синтагмы, обнаруживаемые в текстах, весьма многообразны: *международные джунгли Брюсселя и Страсбурга, московские джунгли, нижегородские джунгли, канадские джунгли, джунгли мегаполиса, джунгли огромного города, городские джунгли; капиталистические джунгли, буржуазные джунгли, джунгли бизнеса, джунгли НЭПа, социалистические джунгли, советские джунгли, джунгли рыночной экономики, джунгли американского бизнес, джунгли большого бизнеса, банковские и бизнесовские джунгли, джунгли российского бизнеса, долларовые джунгли; индустриальные джунгли, джунгли индустрии, джунгли ранней эмиграции, джунгли из стекла и бетона, каменные джунгли капитализма, бетонные джунгли, асфальтовые джунгли, неоновые джунгли, джунгли новостроек, мусорные хрущевские джунгли, электрифицированные джунгли; российские криминальные джунгли, джунгли тюремно-лагерного мира, джунгли колючей проволоки, джунгли чистогана, джунгли интернета, джунгли общепита, джунгли чумазных машин, джунгли многорелигиозного древа, электронные джунгли, металлические джунгли, железные джунгли, джунгли зоопарка, служебные джунгли, партийно-аппаратные джунгли, джунгли чисел, математические джунгли теории квантовых струн, академические джунгли, дипломатические джунгли, железнодорожные джунгли, литературные джунгли, поэтические джунгли, метафорические джунгли поэзии, бумажные джунгли, культурологические джунгли, глянцевые джунгли масс-культы, джунгли искусства, джунгли рекламного дела.*

Синтагматика джунглей сегодня – кладезь языковых возможностей, которые порождают единицы вторичной номинации перифрастической природы, иногда экспрессивные, иногда конвенциональные: *ледяные джунгли, современные человеческие джунгли, социальные джунгли, джунгли современной антропологической гуманитарной мысли, генетические джунгли,*

нейронные джунгли, эротические джунгли. Связанная сочетаемость *джунглей* в современных русскоязычных текстах позволяет *джунглям* проникать внутрь говорящего человека, входить в его духовный мир, зачастую сочетаясь с именами непредметной семантики: *джунгли наследственной памяти, джунгли нашего подсознания, джунгли вечных страхов и опасений, джунгли нашей души, джунгли бесчеловечности, отъединенности, равнодушия, джунгли подонства.* На наш взгляд, это свидетельство семантической «зрелости» экзотизма *джунгли*, обретения им способности передавать «шорохи» и мельчайшие движения души автора, отображать вехи его духовного пути: *И вот поневоле думаешь о тех джунглях бесчеловечности, отъединенности, равнодушия, через которые продирались эти люди, — и, пожалуй, на воле в еще большей мере, чем здесь* [Ю. Даниэль. Письма из заключения (1966-1970)]; *Удивляет вас, как это он среди джунглей вечных страхов и опасений жизнь без инфарктов прожил?* [В. Конецкий. Вчерашние заботы (1979)]; *А упрекают они нас не за бомбу. Которую сами же и помогли нам создавать. Упрекают за другое. За то, что в джунглях нашей души деревянная соха сплелась с атомной бомбой* [Н. Джин. Учитель (1980-1998)]; *Антисемитизм — это любимый цветок джунглей подонства. Я, Ганя Борисовна, кричу об этом уже столько лет, что охрипла* [Г. Щербакова. Эмиграция по-русски... // «Огонек». № 9 (3319), 1991].

Таким образом, связанная сочетаемость *джунглей* сегодня демонстрирует как движение от предметной семантики к ментальной в целом, так и актуализацию в структуре ЛЗС новых семантических оттенков (сема ‘свобода’), не зафиксированных современной лексикографией.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Русская грамматика : [в 2 т.] / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; [редкол.: д. филол. н. Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др.]. М. : Наука, 1980-1982. Т. 2: Синтаксис / [Е. А. Брызгунова, К. В. Габучан, В. А. Ицкович и др.]. 1980. 784 с.
2. Найдина Д. С. Метафора в процессах манипулирования в современном медиадискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: Томск, 2013. 23 с.
3. Ожегов С. И. Словарь русского языка. Под ред. д-ра филол. наук, проф. Н. Ю. Шведовой. 9-е изд., испр. и доп. М. : Русский язык, 1972. 1360 с.
4. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика. Под ред. Г. Н. Складчиковой. М. : Эксмо, 2007. 1136 с.
5. Ягунова Е. В., Пивоварова Л. М. Природа коллокаций в русском языке. Опыт автоматического извлечения и классификации на материале новостных текстов // Сб. НТИ, Сер.2, №6. М., 2010. URL: https://medialing.spbu.ru/upload/files/file_1394529742_4311.pdf.
6. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 18.09.2023).
7. Телия В. Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. М.: Наука, 1981. 269 с.